

10. *Рот В. К.* Общественное попечение о нервнобольных. Устройство общественных санаторий. Киев, 1907.
11. *Б-р В. М.* «Гамлет» Шекспира с врачебно-психологической точки зрения («Скорбный лист» его душевного состояния) // Архив психиатрии, неврологии и судебной психопатологии. 1987. Т. 30. № 2.
12. Список статей свода законов, сенатских указов и правительственных распоряжений, касающихся быта умалишенных в России. СПб., 1886.
13. *Яковлев А. А.* Санатории для нервнобольных и их ближайшие задачи. М., 1902.
14. *Дрознес М. Я.* Основы лечения нервных и душевнобольных в частных лечебницах. С приложением описания частной лечебницы для нервно- и душевнобольных доктора М. Я. Дрознеса в Одессе. Одесса, 1891.
15. ЦГИАМ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2889.
16. ЦГИАМ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2989.
17. *Дрознес М. Я.* Частная лечебница (санатория) для нервных и душевнобольных доктора М. Я. Дрознеса в Одессе. Одесса, 1902.
18. *Ступин С. С.* К вопросу о народных санаториях для нервнобольных // Журнал невропатологии и психиатрии им. С. С. Корсакова. 1904. № 3.
19. *Ellenberger H.* The Discovery of the Unconscious. The History and evolution of Dynamic Psychiatry. N. Y., 1970.
20. *Фельцман О. Б.* К вопросу о психоанализе и психотерапии // Современная психиатрия. 1909. № 1.
21. *Эткинд А. М.* Эрос невозможного. История психоанализа в России. СПб., 1993.
22. *Осипов Н. Е.* Беседа с Dubois // Журнал невропатологии и психиатрии им. С. С. Корсакова. 1910. № 5—6.
23. *Осипов Н. Е.* О навязчивой улыбке // Журнал невропатологии и психиатрии им. С. С. Корсакова. 1912. № 4.

И. Г. ДЕЖИНА

ЗАРУБЕЖНЫЕ ФОНДЫ ПОДДЕРЖКИ РОССИЙСКОЙ НАУКИ: СТРАТЕГИИ И РЕЗУЛЬТАТЫ*

Отношение научного сообщества к зарубежной помощи

Анализ деятельности зарубежных научных фондов через систему таких формализованных показателей, как число грантов, объем финансирования различных направлений исследований, региональная структура грантов и т. п., хотя и дает некоторое представление о складывающейся ситуации, однако не позволяет оценить такие существенные моменты, как степень адаптации и эффективности совершенно новых для нашей науки структур, их существование в специфической социокультурной научной среде. Некоторое представление об этом могут дать социологические опросы и интервью, проводившиеся среди ученых и научной администрации на протяжении трех последних — наиболее активных в деятельности зарубежных фондов — лет. В этот период времени был проведен целый ряд опросов, в той или иной мере затрагивающих деятельность зарубежных научных фондов. Некоторые обследования носили локальный характер (оценка деятельности фондов на примере Новосибирского Академгородка [1; 2], московских академических НИИ [3]), другие были более представительными и проводились на основе формирования репрезентативной региональной выборки [4]. В ряде случаев классические социологические опросы дополнялись статистическими данными [5], либо — неформальными интервью [2; 6], а иногда проводились только в виде свободных интервью [1; 7].

Несмотря на некоторую методологическую некорректность механического объединения результатов столь различных опросов, их рассмотрение, особенно в историческом аспекте, представляет определенный интерес. Неформальные оценки деятельности фондов достаточно ярко показывают, какие настроения существуют среди ученых, представляющих разные возрастные, социальные и профессиональные группы, а также различные регионы, — и как эти настроения менялись под воздействием различных внешних и внутренних факторов. Такая «обратная связь» выявляет и значительно более глубокие, чем могут дать формализованные индикаторы, эффекты воздействия фондов на отечественную науку.

Общая характеристика участников опросов

По данным большинства опросов, респонденты являлись держателями грантов отечественного фонда фундаментальных исследований (*РФФИ*) и/или зарубежных фондов — в первую очередь по различным программам Международного научного фонда (*МНФ*) — краткосрочных и долгосрочных грантов и программы поддержки гуманитариев. Прочие фонды назывались редко. В опросах, как правило, не задавались вопросы о типах грантов, поэтому есть основания подозревать, что в некоторых случаях гранты для работы за рубежом (типа тех, которые распределяют на конкурсной основе *АЙРЕКС*, *АСПРЯЛ* или программа Фулбрайт) в качестве грантов не воспринимались. У той части респондентов, которые не имели грантов, тем не менее сформировалось некоторое представление о деятельности фондов. Некоторые из них имели опыт подачи заявок на гранты и получали отказ.

* Окончание. Начало см.: ВИЕТ. 1995. № 3. С. 100—108.

В совокупности проведенные опросы охватывают все многообразие профессиональных, возрастных, должностных групп ученых. Вполне естественно, что у разных категорий научных работников одни и те же события вызывают неодинаковую реакцию и переживания. В наибольшей мере на различия в оценках влияют возраст, социальный статус и социально-политическая позиция ученых. Часто оценки зависят также от рыночной, а точнее — «фондовой» конъюнктуры того научного направления, по которому работает ученый. Поэтому пессимизм в оценках одних (геологов, химиков, представителей технических наук) нередко противостоит чрезмерному оптимизму других (биологов, социологов, экономистов, историков, филологов) [1; 2].

Одним из существенных факторов, сказавшихся на результатах интервью и опросов, является время проведения обследования. Внешние условия, влиявшие на состояние науки, равно как и масштабы и формы деятельности зарубежных фондов, значительно различались в 1993, 1994 и 1995 гг.

Отношение к грантам как форме финансирования научных исследований

По данным наиболее представительного с точки зрения регионального и дисциплинарного охвата опроса [4], почти четверть всех респондентов (точнее, 23,8%) относятся к идее грантового финансирования отрицательно, ссылаясь на отсутствие доверия к объективности критериев отбора (13,7%), нежелание тратить время на связанные с участием в конкурсе формальности (4,6%), невозможность спасти направление исследований средствами грантового финансирования (4,9%) и иные причины (1,4%). Из этих четырех групп причин первая, несомненно, заслуживает достаточно серьезного к себе отношения, поскольку затрагивает одну из самых серьезных проблем современной науки. Это — отсутствие легитимной экспертизы результатов научной деятельности. Первые итоги работы фондов вызвали не лишние оснований подозрения в том, что их политика подчас определяется лицами, чей авторитет в научном сообществе не слишком высок. По мнению значительного числа опрошенных, в аппарат фондов попадают в основном наиболее «пронырливые», а не наиболее достойные люди. Достаточно широкое распространение получило также мнение [6], что среди руководителей фондов много эмигрантов, которые имеют весьма смутное представление о нашей стране и науке. Последняя оценка выявляет скорее не истинное положение дел, а недостаточную информированность ученых о типах и особенностях организации работы во многих зарубежных фондах. Только в руководстве фондов Сороса (МНФ и «Культурной инициативе») есть эмигранты. В остальных известных и активно действующих научных фондах эмигрантов в руководстве нет. Однако ученые, имея в большинстве случаев представление только о деятельности МНФ и РФФИ, проецируют свои оценки на деятельность фондов в целом.

С другой стороны, данные обследования *московских институтов естественнонаучного профиля* [3], проведенного в 1994 г., дают совсем другие результаты: более половины опрошенных считают, что гранты на научные исследования могут действительно служить значительным источником финансирования для их институтов, и 60% утверждают, что их отсутствие является серьезной проблемой. Еще более оптимистичны результаты обследования 1995 г.: позитивное отношение к грантам выразили уже 85,5% респондентов [6]. Такое расхождение результатов объясняется скорее всего малым представительством регионов в двух последних опросах*. Москвичи в среднем лучше информированы об особенностях деятельности различных фондов, имея более легкий доступ к информации (большинство представительств зарубежных фондов расположены в Москве). Это предположение косвенно подтверждается и тем, что при отсутствии явных расхождений с москвичами по большинству вопросов региональные различия отчетливо проявились при оценке деятельности различных фондов [6]. Оказалось, что в регионах известен практически только один зарубежный фонд — МНФ, тогда как москвичи в целом по выборке назвали 33 фонда. Наконец, concentra-

* В выборке [6] доля московских респондентов составляет 75%.

ция грантодержателей среди москвичей значительно выше, что в конечном счете влияло на смещение оценок в положительную сторону.

Таким образом, полного единодушия в оценках грантов как формы финансирования нет, но в динамике мнения смещаются в положительную сторону.

Отношение к зарубежным фондам и оценка мотивов их деятельности

Отношение к зарубежным фондам формируется у ученых, как правило, на основе их знакомства с деятельностью некоторых из них. И здесь на оценках также очень часто сказывается впечатление от работы наиболее известного зарубежного фонда — МНФ.

Опросы 1993 г. показали весьма оптимистичное отношение к зарубежным фондам. На фоне обвального ухудшения положения в науке открытие ряда программ так называемой «срочной помощи» (программа краткосрочных грантов МНФ, программа «Биоразнообразие», программы фонда «Культурная инициатива») было воспринято многими как счастливый случай.

Однако уже через год оценки несколько изменились. 1994 г. был в некотором роде «пиковым» по числу различных программ. Уровень конкурса во многих известных фондах стал чрезвычайно высоким (например, в фонде МакАртуров — 25 заявок на 1 грант; в среднем по гуманитарным дисциплинам — 7 заявок на грант). Это повлияло на изменение отношения к фондам. По данным [4], более 2/3 всех респондентов продекларировали негативное отношение к зарубежной помощи российской науке (табл. 1), — и это при том, что в выборке недопредставлена отраслевая наука, ВПК и технические науки, от представителей которых априори в большей степени можно было бы ожидать негативные оценки.

Таблица 1
Отношение к зарубежной помощи российской науке

Как Вы оцениваете зарубежную помощь отечественной науке?	Доля согласившихся с данным ответом в общем числе отвечавших на данный вопрос (763), %
Зарубежная помощь является сегодня главным источником поддержки отечественной науки	1,9
Она вносит значительный вклад в решение проблем российских ученых	14,1
Она больше выгодна Западу, чем нам	32,2
Она является замаскированной формой эксплуатации России	22,3
Сам факт такой помощи постыден и унизителен	13,9
Другие ответы	3,6
Не задумывался	11,9

Самое отрицательное отношение к зарубежной помощи продемонстрировали экономисты, философы и социологи, большинство из которых выбрали более одного ответа из негативного набора. По числу заявленных позитивных оценок с огромным отрывом лидируют филологи. Положительную оценку зарубежной помощи дают более четверти опрошенных физиков, химиков и историков. Интересно, что достаточно велик процент позитивных ответов и у социологов, тем самым демонстрирующих значительный раскол в этом вопросе, тогда как экономисты в своем отрицательном отношении к зарубежной помощи необычайно единодушны (лишь один респондент признал ее вклад в решение проблем российских ученых). Скорее всего экономисты, в отличие от представителей большинства других специальностей, имеют возможности дополнительного заработка из многих других источников, поэтому фонды не рассматриваются ими в качестве основного или значительного фактора поддержки. Среди

представителей прочих дисциплин варьирование незначительно. Интересно, что полученные результаты вполне коррелируют с итоговой структурой финансирования различных направлений исследований со стороны фондов.

Анализ полученных данных по регионам выявляет преобладание негативных оценок. Меньше всего их — в соответствии с ожиданиями — в Москве, лидирующей и по сумме позитивных оценок, а также в Новосибирске и Владивостоке. Появление последнего города в перечне кажется только на первый взгляд неожиданным. В действительности там было получено достаточно большое число грантов *МНФ* и *РФФИ*, особенно по биологии.

Негативные оценки преобладают и в должностном разрезе, но здесь интересно другое соотношение: среди тех, кто относится к зарубежной помощи положительно, очень сильно преобладают научные сотрудники (на них приходится 70,6% ответов «Сегодня это — главный источник ее поддержки» и 46% ответов «Она вносит значительный вклад в решение проблем российских ученых»). В силу наибольшей численности данной группы в составе выборки их ответы преобладают и в других случаях, но нигде нет подобного громадного перевеса. В принципе это можно рассматривать как дополнительное свидетельство в пользу того, что зарубежная помощь направлена в первую очередь на людей, действительно занимающихся наукой, а не администрированием, и способствует росту их независимости.

Разумеется, столь широко распространенное негативное отношение к зарубежной помощи не означает отказа от ее принятия. Более того, можно предположить, что за негативными оценками зарубежных источников финансирования стоит неудовлетворенность отечественной политикой в отношении науки, вынуждающей обращаться за поддержкой к Западу. Это выявляется при несколько иной постановке вопросов [6]. При разделении вопросов об отношении к *зарубежным фондам как форме финансирования научных исследований и о причинах оказания этой помощи* оказалось, что при очень высокой положительной оценке важности и полезности деятельности зарубежных фондов (77% в среднем по выборке) цели оказания этой помощи в большинстве случаев оцениваются негативно. По мнению значительного числа респондентов (40%) это — «стремление скупить идеи по дешевке». Только 11,5% опрошенных оценивают помощь Запада как бескорыстную. Характерно, что наименьшее число тех, кто считает зарубежную помощь бескорыстной, — среди представителей естественных наук, а также тех, кто имеет гранты. Это, по-видимому, также связано с тем, что естественные науки финансируются в широких масштабах только одним зарубежным фондом — *МНФ*. Помимо некоторых недостатков в работе данного фонда, влияющих на оценки, вокруг него постоянно создается специальная атмосфера. В силу беспрецедентности масштабов оказываемой им помощи фонд находится в центре внимания прессы, на него совершаются постоянные нападки, способствующие возникновению подозрительности и недоверия. Следует также отметить, что такая атмосфера начала формироваться еще в 1992 г., при осуществлении одной из первых программ поддержки Новосибирского Академгородка фондом «Культурная инициатива». Тогда впервые была развернута кампания, имеющая целью доказать, что истинной целью фонда является разведывательная деятельность. Главной идеей было то, что за «жалкие подачки» Запад получит полное представление о наших самых передовых научных достижениях.

«Это все ответвление мотивов борьбы на самых высоких политических сценах. И как бы вы хорошо ни делали, этот мотив все равно будет присутствовать. Здесь сперва сообщили у нас в институте, что Сорос — он еврей, и это все для евреев. Но кто это говорит?...» (физик, 60 лет, главный научный сотрудник) [1].

Впоследствии такие кампании в отношении фондов Сороса (как самых крупных и заметных) стали почти традицией, а в феврале 1995 г. было даже специальное слушание в Госдуме по этому вопросу. Все это оказывает влияние на формирование общественного мнения. В настоящее время наиболее распространенными являются сетования на дешевизну отечественного научного труда (не совсем безосновательные) и на небескорыстность намерений зарубежных спонсоров.

Что меняется в результате деятельности научных фондов?

Первый, самый очевидный и упоминаемый всеми участниками опросов эффект деятельности фондов — **улучшение материального положения научных работников, особенно молодежи**. Обобщая данные различных опросов, можно выделить еще три другие, непосредственно связанные с первым, проявления влияния фондов. Они уже не столь «материальны»: упрочение финансового положения, получаемое за счет независимого источника (то есть фонда), *во-первых*, освобождает ученых от тотальной зависимости от своего института; *во-вторых*, эта большая свобода порождает новый тип существования в науке, новый способ организации и проведения научных исследований. Зарубежная поддержка стимулировала появление у ученых нового отношения к своим возможностям и своему месту в науке:

«Замечательный плюс в этом деле, что произошло *раскрепощение людей*, они почувствовали, что это не только им интересно. Фонд ведь для лабораторий ничего не дал, но лаборатории работают, они высвободили некие внутренние силы у людей» (математик, 58 лет, ведущий научный сотрудник) [1].

Конкурсы подтвердили квалификацию ученых и помогли многим из них вновь поверить в себя, оценить свои профессиональные возможности более объективно. В более широких масштабах деятельность фондов позволила выявить как отдельных продуктивных ученых, так и институты с мощными научными коллективами.

Наконец, *в-третьих*, гранты позволили расширить международные контакты, в том числе и за счет поездок на международные конференции. Начиная с 1991 г. приглашение российских ученых на международные конференции сократилось практически до нуля, началось выпадение отечественной науки из мирового научного сообщества. Начало программ финансирования поездок на конференции в 1993 г. способствовало восстановлению контактов. В буквальном смысле — о наших ученых опять вспомнили.

Вместе с тем во многих опросах ученые говорят о том, что размеры грантов явно занижены*, что они не дают возможности реально улучшить материальную базу науки. Отмечается также существование «уровниловки» в распределении грантов [6]. В этой оценке опять же сказывается недостаточная информированность ученых о всем многообразии действующих фондов и ориентация на программы *МНФ***, Российского научного фонда, а также фондов, распределяющих гранты для работы за рубежом (*АЙРЕКС, АСПРЯЛ, DAAD*), где размер стипендии является фиксированным. Однако такие фонды, как МакАртуров, Евразия и целый ряд других дифференцируют величину присуждаемых грантов в зависимости от качества и важности проекта.

Довольно распространенным является мнение, что система грантового финансирования в целом и зарубежные фонды в частности разрушительно действуют на **социально-психологический климат в научных коллективах**. Проведенные опросы показали, что здесь не все так однозначно. Ситуация очень динамичная, а частные оценки зависят от целого ряда факторов, включая такие, как возраст, должность, а также сектор науки, где работают респонденты. Однако в целом можно выделить ряд характерных моментов.

Опросы, проведенные в 1994 г. в московских, по преимуществу академических, институтах [3; 5], показали, что только 16,9% [3] полагают, что валютные гранты плохо отражаются на психологическом климате в научных коллективах. 35,8% отмечают некоторые изменения, но не берутся оценивать их однозначно, а 18,2% уверенно отмечают, что психологический климат изменился к лучшему. Еще более оптимистичны результаты обследования институтов физико-химического профиля [5]: в более 60% из них отмечают в целом позитивное влияние зарубежных фондов на ситуацию в научных коллективах. Вместе с тем данные [6] свидетельствуют о паритете нейтральных и отрицательных оценок (с небольшим перевесом в сторону негативных оценок). Доля

* Это вполне коррелирует с рассмотренной выше оценкой мотивов оказания зарубежной помощи — «скупить идеи по дешевке».

** Несмотря на разные размеры финансирования по программе долгосрочных грантов *МНФ*, ученые воспринимали как уравнильность тот факт, что по большинству проектов выделенные суммы были ниже указанных в заявках. За счет этого, правда, Фонд смог профинансировать значительно большее число проектов.

тех, кто считает гранты фактором, улучшающим взаимоотношения в коллективе, составляет менее 1%. На этом фоне самой нейтральной позиции придерживаются молодые ученые: 48,8% из них полагают, что гранты не оказывают влияния на моральный климат в научном коллективе. В неформальных интервью ученые высказывали опасение, что распределение грантов негативно сказывается на отношениях в научной среде из-за недовольства ученых, обделенных грантами, и их зависти к более удачливым коллегам. Они все более приходят к пониманию того, что ставку можно делать только на собственные силы. Многие отмечают, что коллеги стали более закрыты, реже делятся своими идеями, поскольку идеи стали расцениваться в качестве товара [7].

Оценки направленности изменений психологического климата в научных коллективах зависят также от того, в каком секторе науки работают ученые. Так, в отраслевом секторе, особенно в НПО и ПО*, руководители различных структурных подразделений сетуют на ослабление авторитета руководства и снижение уровня дисциплины. Кроме того, по мнению руководителей, существует фактор неравномерности в доступе к средствам фондов, что негативно сказывается на ситуации в науке. Общая картина оценок различных видов зарубежных связей по ряду НТО представлена в табл. 2.

Таблица 2

Степень использования НТО различных форм зарубежной помощи и сотрудничества (в процентах от числа опрошенных)

Виды НТО и категории опрошенных	У нас это эффективно используется	Используется, но недостаточно эффективно	Не используется, а следовало бы	Не используется и вряд ли нужно
Участие в совместных проектах				
Все руководители НТО	11,5	2,2	82,2	4,4
Работники НИИ	1,5	13,2	82,3	2,9
КБ	0	35,8	60,5	3,7
ПО	34,2	0	65,8	0
НПО	11,2	11,2	62,9	14,6
в т.ч. Гос.НТО	9,1	30,8	59,4	0,7
АО	6,0	9,3	73,3	11,3
Помощь из международных фондов				
Все руководители НТО	2,6	0	79	18,4
Работники НИИ	2,2	0	97,8	0
КБ	0	4,7	87,7	7,5
ПО	0	0	79,2	20,8
НПО	13,2	3,6	65,1	18,1
в т.ч. Гос.НТО	0	3,6	88,2	8,2
АО	7,9	2,9	76,3	12,9
Работа по контракту и обучение за рубежом				
Все руководители НТО	11,6	0	74,4	14
Работники НИИ	0	1,6	54,8	43,6
КБ	2,3	1,1	64,4	32,2
ПО	12,5	0	87,5	0
НПО	4,5	9,1	73,4	12,5
в т.ч. Гос.НТО	6,2	2,1	56,2	35,4
АО	1,8	4,3	76,8	17,1

* По данным опроса ряда НТО Санкт-Петербурга. Руководитель опроса — М. Ф. Замятина. Более полно материалы представлены в работе «Роль международных научно-технических связей в перестройке научно-технологического комплекса России: деятельность предприятий и организаций с иностранным участием» (М.: АЦ НПП, 1994 г.)

Интерпретировать резкое расхождение оценок в приведенных опросах можно только исходя из исторического контекста, соотнеся их с тем временем, когда эти опросы проводились. Более положительные оценки соответствуют началу—середине 1994 г., тогда как опрос [7], давший наибольшее число отрицательных оценок, был проведен в 1995 г. В период времени между двумя данными опросами появилось множество новых фондов, и уже стали сказываться результаты работы некоторых из них. В 1994 г. первые оценки могли быть даны только по итогам конкурсов 1993 г. — а это было время первых и достаточно «уравнительных» конкурсов и программ, когда ученым выдавались скорее «срочная помощь» в форме грантов, нежели реально финансировались отобранные по конкурсу проекты. Даже размер гранта — 500 долларов — был один и тот же по разным программам («Биоразнообразию», краткосрочные гранты МНФ, поддержка ученых-гуманитариев через фонд «Культурная инициатива»). Подобные «конкурсы на получение грантов» не давали повода для оценок, сравнений и обид, и фактически не влияли на положение ученого в коллективе и на степень его свободы по отношению к своему институту.

Этот вывод подтверждается результатами серии повторных опросов, проведенных в Новосибирском Академгородке (соответственно в 1993, 1994 и 1995 гг.). Сравнивая в динамике распределение ответов, можно довольно отчетливо проследить изменение настроений от эйфории (от того, что какой-то сдвиг к лучшему, пусть и в результате зарубежной поддержки, а не действий отечественного правительства, все же происходит) к осознанию не только преимуществ, но и недостатков как грантовой системы в целом, так и деятельности зарубежных фондов в частности. Интересно то, что эта эволюция не была плавной: в 1994 г. отмечалось даже улучшение отношений между людьми, поскольку это был период объединения для выживания, стали выплачиваться первые долгосрочные гранты РФФИ и МНФ, большинство которых были коллективными. Кроме того, первые конкурсы вызвали оживление неформального научного общения. Некоторое время действовали междисциплинарные и межинститутские семинары и дискуссии, что являлось мощным объединяющим фактором. Таким образом, переход к разобщенности и индивидуализму происходил через пик объединения и попыток коллективного выхода из финансового тупика.

Другим важным фактором действия фондов является влияние на изменение тематики исследований. Специфика грантового финансирования такова, что функции поиска денег переходят к малым научным коллективам (лабораториям, отделам, группам) или отдельным научным сотрудникам. Концентрация организационных функций на микроуровне отвлекает исследователей от непосредственного научного процесса. Такая практика (даже при «справедливом» отчислении на нужды института в целом около 20% полученного финансирования — по условиям грантов МНФ и РФФИ) при незначительном базовом финансировании существенно деформирует фронт научных исследований и приводит к тому, что он не только сужается, но и видоизменяется в самых неожиданных направлениях, диктуемых потребностями «рынка». Практически все опросы показали, что происходит переориентация на более прикладные исследования. Планирование научной работы никто не осуществляет более чем на год, а чаще всего люди признаются, что они не берутся планировать исследования вообще. При этом более важным фактором становится не финансовая неопределенность, а растущая зависимость от заказчика, в качестве которого можно рассматривать и фонды. Ученые все больше начинают задумываться о том, что гранты не позволяют вести стратегические, долгосрочные или принципиально новые исследования. Наиболее типичны следующие оценки [6]:

«Чаще всего заявки на гранты подаются на уже сделанные работы. Про новые направления есть сомнения — будет ли это поддержано. Что получишь, про то и будешь работать».

«По моему опыту, гранты задают очень жесткие тематические рамки и не приветствуют всяческие изыски. Так что скорее всего новые направления не стимулируются».

«Это — один из недостатков грантовой системы: они финансируют достаточно ло-

кальные темы и группы, и здесь трудно развивать новые широкомасштабные исследования. Но это органическая особенность такой формы финансирования».

При рассмотрении влияния грантов на различные аспекты научной деятельности и положение самих ученых значение имеет также *тип предоставляемых грантов*. Оценки грантов, предназначенных для проведения исследований или стажировки за рубежом, и грантов для работы в России различны. Отношение к грантам для работы за рубежом гораздо более многоплановое, поскольку связано с целым рядом дополнительных ожиданий и впечатлений. С этой точки зрения, большой интерес представляет сравнение ожиданий от работы за границей с реализованными возможностями (табл. 3). В целом ученые предпочитают работу с выездом (85,8% по данным [3] против 66,4% тех, кто хочет остаться в институте при условии соответствующих валютных поступлений). Таким образом, многие участники опросов не рассматривают эти две возможности как альтернативные и предпочитают использование обоих вариантов.

Таблица 3
Ожидания и реализованные возможности,
связанные с работой по гранту (контракту) за рубежом

	Ожидания, % опрошенных	Реализованные возможности, % опрошенных
Возможность полностью использовать свои знания и умения	86,2	75,2
Возможность работать с компетентными коллегами	74,2	58,4
Возможность работать под началом квалифицированных руководителей	37,6	45,6
Возможность работать в условиях доброжелательного психологического климата	69,9	73,7
Возможность получать оклад, соответствующий квалификации	78,0	59,7
Возможность личных научных контактов со специалистами	76,1	79,6
Хорошая материально-техническая база исследований	89,9	90,3
Доступ к необходимой научной информации	88,5	84,0
Возможность внести вклад в науку в своей области	78,0	73,6
Возможность работать над проблемами, важными для возрождения России	40,0	31,5
Возможность повысить квалификацию	71,0	66,7

Табличные данные показывают в то же время наиболее распространенные причины предпочтений работы за рубежом. Существенным дополнением к приведенному перечню являются мотивы, указанные отдельными респондентами в комментариях к опросному листу: «Работа за рубежом делает ученых более независимыми и самостоятельными», «Независимость от научной номенклатуры», «Стажировка за границей повышает вероятность получения грантов как за рубежом, так и на родине».

С одной стороны, данный перечень можно рассматривать как указание на главные причины контрактной эмиграции в ближайшем будущем. С другой стороны, тот факт, что по большинству позиций реальность оказалась хуже ожиданий, свидетельствует о том, что опасения массовой «утечки умов» за рубеж являются несколько завышенными. Неформальные интервью со многими учеными показали, что большое сдерживающее влияние на эмиграцию оказывают социально-культурные факторы [7]. Именно в той творческой среде, которая сформировалась в российской науке, ученые получают более адекватное и полное признание своих способностей и достижений со стороны научного сообщества. И один из эффектов работы по грантам — так называемая «челночная эмиграция» (когда ученый периодически работает по грантам за рубежом) — скорее сдерживает этот отток. Сами ученые воспринимают «челночную эмиграцию»

не как «утечку умов», а скорее как их консервацию:

«У нас ведь прекрасные условия работы, которых нет ни в одной стране, мы еще сами не осознаем, как мы богаты. И пока приходится ездить на какое-то время за границу, чтобы обеспечить себе здесь нормальные материальные условия для научной работы» (научный сотрудник, 31 год) [7].

Достаточно близко к вопросу об эмиграционных настроениях стоит **проблема ухода из науки в другие сферы деятельности**. Опросы показали, что здесь так же, как и в случае с внешней утечкой умов, люди не видят какого-либо существенного воздействия фондов на эти процессы. По данным [6], более половины опрошенных считают, что какая-либо взаимосвязь здесь отсутствует, а около четверти полагают, что распределение грантов существенно ослабляет желание уйти из науки. В целом можно отметить, что полученное по грантам финансирование вряд ли может удержать уход из науки тех, кто уже принял такое решение раньше:

«Мысли бросить науку были, и сейчас они присутствуют, потому что я не знаю, что будет после экспедиции, из которой мы приедем. Вторая половина денег спасет нас на некоторое время, но если дальше ничего не будет происходить, то мой прогноз — молодежь уйдет вся» (геолог, 28 лет, младший научный сотрудник) [1].

К счастью, данный прогноз пока не оправдался.

* * *

Таким образом, опросы показали, что зарубежные фонды влияют прямо или косвенно на различные факторы научной деятельности: материальные, социально-психологические, структурные. Деятельность фондов вызвала к жизни целый ряд стимулов, и не только материальных, но и творческих, моральных, социальных. При этом картина развития зарубежной поддержки российской науки и ее восприятие со стороны научного сообщества являются чрезвычайно динамичными. В целом можно утверждать, что зарубежная помощь нашей науке появилась очень вовремя и позволила несколько смягчить бросок «в рынок». Однако некоторые опосредованные результаты сильной ориентации на гранты как на средство существования в науке еще только начинают сказываться. Одновременно происходит все большее осознание того, что гранты не являются панацеей и решением многих проблем. Вместе с тем в конечном счете важным является то, что зарубежные фонды самим фактом своего появления способствовали привлечению внимания государства к проблемам российской науки.

Список литературы

1. Воронков В., Фомин Э. Зарубежная помощь науке глазами российского ученого (на примере Новосибирского Академгородка). СПб.: Центр независимых исследований, 1993.
2. Плюшин Ю., Гордиенко А. Научное сообщество Академгородка в период трансформации общественной жизни России (Мониторинг социально-психологического состояния научных коллективов Новосибирского научного центра в 1992—1995 гг.). Новосибирск, 1995.
3. Райкова Д., Кузнецова Т. Международные научно-технические связи как инструмент поддержки и развития потенциала организаций науки (социологический аспект). М., 1994.
4. Наука России сегодня и завтра. Аналитический доклад. Ч. 1. Вып. 4. М., 1994.
5. Дежина И., Киселева В. Применение программного подхода для реализации промышленной политики. Ч. 2: Результаты пилотажного обследования потенциальных источников разработки критических технологий. М.: Аналитический центр по научной и промышленной политике, 1994.
6. Юревич А., Емельянов Е., Ярошевский М. Материалы социологического исследования отношения ученых к зарубежной помощи российской науке. М.: Центр по изучению общественного мнения ученых, 1995.
7. Воронков В., Освальд И., Фомин Э. Утечка «умов»: ситуация в военно-промышленном комплексе и в науке. СПб.: Центр независимых исследований, 1995.